

Николай Поселягин

Апогей риторики:

«ПОСТПРАВДА» КАК РИТОРИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ И КАК ВЫЗОВ РЕАЛЬНОСТИ

Nikolay Poselyagin

The Climax of Rhetoric: "Post-Truth" as a Rhetorical Strategy and a Challenge of Reality

Николай Поселягин (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», доцент Школы филологических наук факультета гуманитарных наук; кандидат филологических наук) poselyagin@gmail.com.

Nikolay Poselyagin (PhD; Associate Professor, School of Philological Studies, Faculty of Humanities, HSE University) poselyagin@gmail.com.

Ключевые слова: постправда, идеология, риторика, симулякр, симуляция, Жан Бодрийяр

Key words: post-truth, ideology, rhetoric, simulacrum, simulation, Jean Baudrillard

УДК: 316.4.06+316.325+122

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_48

UDC: 316.4.06+316.325+122

DOI: 10.53953/08696365_2023_182_4_48

В статье рассматривается риторическая сторона популярного в последние годы феномена «постправда». На мой взгляд, постправду можно рассматривать как практическое следствие социального явления, описанного Жаном Бодрийяром: когда медиапространство, в которое мы погружены, не дает нам возможности отличить реальность от симуляции, реально произошедшего события и действительного факта — от симулякра, то для оценки поступающей информации мы начинаем вместо критерия истинности/ложности использовать критерий убедительности/неубедительности. Другими словами, полагаться не на соотносительность нарратива с реальностью, а только на внутреннюю связность, эффективность и эмоциональную нагруженность его риторической структуры. В ситуации постправды переопределяется категория истинности: теперь это не соответствие действительности и не результат независимой перепроверки фактов, а наибольшая риторическая убедительность. В режиме постправды именно риторика берет на себя функцию оценки реальности.

The article discusses a rhetorical aspect of the newly popular term "post-truth". I suppose, post-truth can be considered as a practical consequence of a social phenomenon described by Jean Baudrillard. A mediaspace in which we are immersed does not allow us to distinguish between reality and simulation, between an actual event or a real fact and simulacrum; as a result, we begin to use a criterion of persuasiveness/non-persuasiveness instead of the truth/falsity. In other words, we start relying not on the correlation of a narrative with reality but only on an inner coherence, effectiveness, and emotional load of its rhetorical structure. In the situation of post-truth, a concept of veracity is redefined: now it is not a correspondence to reality or a result of independent verifying of facts anymore; it is just the most efficient rhetorical persuasiveness. In the regime of post-truth, rhetoric assumes a function of reality evaluation.

Необходимо начать с того, что «постправда» — типичная категория практики. Другими словами, смысл этого понятия затруднительно свести к единому и стабильному словарному определению, поскольку он сильно зависит от социальных и культурных контекстов, в которых понятие реализуется на практике. Это не строгий теоретически отрефлексированный термин с четко очерченным объемом значений и ясными, непротиворечивыми денотациями. Каждый из контекстов задает понятию свой собственный набор коннотативных значе-

ний, не равный наборам значений, присущих ему в других контекстах, и не сводимый к общему знаменателю. Если контексты начнут противоречить друг другу, то и в понимании категории практики тоже возникнет внутренняя противоречивость.

Тем не менее категории практики тоже можно определять — пусть даже это распутывание клубка смыслов и интуиций окажется труднее и займет больше времени, чем в случае со строгими терминами. Более того, в них можно выявлять внутреннее семантическое ядро, которое, собственно, и позволяет понятию сохраняться при всех трансформациях его контекстуально обусловленных значений и не распадаться на ряд почти не связанных между собой омонимов. Однако анализа ближайших контекстов для лучшего понимания категорий практики подчас бывает недостаточно — иначе ситуация только еще больше запутается. И постправда, на мой взгляд, относится как раз к таким сложным случаям.

Слово «постправда» возникло не позднее 1992 года как авторская метафора в статье сербско-американского сценариста Стояна Стива Тесича [Tesich 1992]. Тогда оно осталось почти незамеченным, но в 2004 году его переоткрыл публицист Ральф Киз, указав, что заимствует его из статьи Тесича; причем он даже вынес «постправду» в название своей книги [Keyes 2004]. Он же впервые придал ему не только метафорический, но и частично терминологический оттенок: по Кизу, постправда (*post-truth*) — это такая манипуляция этическими ценностями, которая позволяет людям исказить правду в угоду собственному поведению, чтобы не чувствовать себя виноватыми за содеянное. Люди сами понимают, что поступают неэтично, но вместо того чтобы изменять свое поведение, они меняют мешающие им этические категории. Саму эту операцию Киз обозначает как постправду, а чрезмерно гибкую этику, которая за ней стоит и фактически позволяет постправде вообще возникнуть, — как «альт-этику» (*alt.ethics*). Так что можно считать, что именно Киз создал то самое семантическое ядро, остающееся более-менее неизменным при всех дальнейших использованиях и семантических трансформациях слова «постправда». Поэтому теперь его обычно считают автором этого понятия.

После Киза сформулированная им категория начала время от времени появляться в научных трудах и журналистских статьях, а уже в 2005-м известный американский комик и телеведущий Стивен Кольбер образовал от этого слова существительное *truthiness*¹, которое словарь «Merriam-Webster» определяет так: «Правдоподобное или предположительно правдоподобное качество, приписываемое чему-либо не в силу подтверждающих его фактов или доказательств, а из-за ощущения того, что это правда, или желания, чтобы это было правдой»². Тем не менее прошло еще около десяти лет, прежде чем уже и сама постправда, а не ее производные, попала в фокус поистине широкого общественного внимания. В 2016 году во время предвыборной президентской кам-

1 The Word — Truthiness // The Colbert Report (Video Clip). 2005. October 17 (<https://www.cc.com/video/63ite2/the-colbert-report-the-word-truthiness> (дата обращения здесь и далее по всем ссылкам: 01.05.2023)).

2 Truthiness // Merriam-Webster.com Dictionary (<https://www.merriam-webster.com/dictionary/truthiness>). Это определение в общем и целом применимо и к понятию «постправда». Кстати, слова *post-truth* (или *posttruth*) на сайте словаря «Merriam-Webster» нет.

пании Дональда Трампа употребление термина *post-truth* (также *posttruth*) в СМИ выросло настолько, что Издательство Оксфордского университета объявило его словом года³. С тех пор распространенность этого понятия, насколько я могу судить, если и снизилась, то не сильно.

Однако сам феномен постправды — то есть игнорирования фактов и доказательств, если они противоречат чьей-то картине мира, и предпочтения тех сведений, которые в эту картину укладываются, даже если они непроверенные, спорные или вообще ложные, — разумеется, гораздо старше называющего его сегодня слова. Исследователи постправды часто напоминают, что об очень схожих явлениях философы и политологи писали уже десятилетиями раньше. Ключевым автором в данном случае оказывается, пожалуй, Ханна Арендт, и это логично: в своих трудах она неоднократно обращается к проблеме тесной связи между политикой/идеологией и дискурсом, при которой дискурс отрывается от реальности и полностью подстраивается под интересы политических/идеологических агентов. В написанной во время Вьетнамской войны статье «Ложь в политике» («Lying in Politics», 1971), комментирующей публикацию секретных документов Пентагона, касающихся политики США в Индокитае, она использует понятие «дефактуализация» для обозначения «отношения или скорее отсутствия отношения между фактами и решением» [Arendt 1972: 20], а за двадцать лет до того в книге «Истоки тоталитаризма» она подробно анализирует работу государственной пропаганды в тоталитарных странах [Arendt 1996: 451—478]⁴. Более того, даже в самой знаменитой работе «Эйхман в Иерусалиме», известной по-русски под названием «Банальность зла»⁵, она интерпретирует деятельность Адольфа Эйхмана в том смысле, что его не волновало, насколько соответствует действительности мотивировка отдаваемых (ему и им самим) приказов [Arendt 2008]⁶. Для Эйхмана, по мнению Арендт, неважно,

-
- 3 Word of the Year 2016 // Oxford Dictionaries. 2016. [November 15] (<https://languages.oup.com/word-of-the-year/2016>; оригинальная ссылка теперь доступна только через сервис «Wayback Machine» библиотеки «Архив Интернета»: <https://web.archive.org/web/20161116101017/https://en.oxforddictionaries.com/word-of-the-year/word-of-the-year-2016>). При этом неологизм Кольбера стал популярным значительно раньше — практически сразу после изобретения, в 2005 году, слово *truthiness* было объявлено словом года по версии Американского диалектологического общества (https://www.americandialect.org/Words_of_the_Year_2005.pdf), а в следующем, 2006-м, оно также стало словом года по версии словаря «Merriam-Webster» (см. об этом: Meyer D. The Truth of Truthiness // CBS News. 2006. December 12 (цит. по «Архиву Интернета»: <https://web.archive.org/web/20061214075503/https://www.cbsnews.com/stories/2006/12/12/opinion/meyer/main2250923.shtml>)).
- 4 На «Ложь в политике» ссылаются, например, Джейсон Харсин и Дэвид Блок [Block 2019; Harsin 2018], а на «Истоки тоталитаризма» — например, Ли Макинтайр [McIntyre 2018]. Впрочем, ссылку на «Ложь в политике» можно найти уже у Киза. Также иногда вспоминают (см.: [Nielsen 2020]) эссе Арендт «Истина и политика» [Arendt 2014], представляющее собой нечто вроде автокомментария к «Эйхману в Иерусалиме».
- 5 На всякий случай напомню, что в оригинале это не основное название, а фрагмент подзаголовка.
- 6 Здесь я не хочу присоединяться к долгой дискуссии по поводу того, насколько правильно Арендт интерпретирует картину мира Эйхмана, воспринимая его как абсолютно обычного человека, который «просто исполнял приказы». Арендт опирается на свидетельства самого Эйхмана во время судебного процесса — такие, как, например, это: «Я чувствовал, что мне предстоит трудная жизнь, жизнь индивидуума, у которого нет вождя, мне больше не от кого будет получать указания, больше мне

насколько аморальны и ужасны последствия его действий: он сверяется не с реальностью, где уничтожение сотен тысяч людей однозначно бесчеловечно, а с удобными для него дискурсами, — в данном случае с дискурсами приказов, сформулированных так, что оценка поступков исполнителя в системах моральных координат и юридической ответственности вообще не предполагается.

От Арендт традицию истолкования феномена постправды можно вести в двух направлениях. С одной стороны, это теоретики следующего поколения, анализирующие прагматику и риторику политического дискурса, в том числе такого, который замкнут на себе самом настолько, что вместо того чтобы так или иначе репрезентировать реальность, начинает сам ее конструировать, — точнее, конструировать альтернативные образы реальности, принципиально оторванные от действительности. В этом ряду находятся такие исследователи дискурса и власти, как Юрген Хабермас, Мишель Фуко, Жан Бодрийяр — причем идеи последнего семиотик Марсель Данеси даже прямо связывает с проблематикой постправды: «Эру постправды предсказал французский социальный критик Жан Бодрийяр, объяснявший ее через понятие симулякра...» [Danesi 2020: 110]. С другой стороны, можно, наоборот, уходить все дальше по философской традиции — так, с проблематикой постправды регулярно связывают Фридриха Ницше, споря о том, корректно ли считать его идеологическим «предшественником» этого феномена⁷. А в целом рассуждения о (не)соответствии дискурса и реальности уходят вглубь тысячелетий, размышления в этом русле можно найти уже, допустим, в сократовской критике софистов (особенно показателен в этом отношении, на мой взгляд, диалог «Горгий»⁸). Более того, с постправдой можно увязать одно из самых известных когнитивных искажений — предвзятость подтверждения, или склонность к подтверждению своей

не будут отдаваться приказы и команды, и больше не будет четких предписаний, с которыми я мог бы сверяться, — короче, передо мной лежала совершенно неизвестная и непонятная мне жизнь» [Арендт 2008: 58]. Безусловно, человек, лично ответственный за Холокост, вполне мог лгать под присягой и пытаться с помощью подобной риторической стратегии своеобразно оправдаться перед судом или перед широкой публикой, даже если сам он никаких подобных чувств не испытывал. Вопрос искренности Эйхмана выходит за рамки моей статьи — и в любом случае после экспериментов Стэнли Милгрэма ясно, что он весьма неоднозначен и крайне запутан. Для меня же в данном случае важно, что Эйхман использует именно такую риторическую стратегию, а не любую иную (например, показное отчаяние и драматическое раскаяние). Искренен ли он или нет, однако риторика его такова, что не оставляет пространства для сверки с реальностью и нахождения истины (в данном случае судебной) по поводу его интенций и моральных качеств. Другими словами, неважно, верит ли Эйхман сам в свои собственные слова, — но он хочет, чтобы мы поверили. И использует для этого постправду, перенося собственные поступки из сфер этики и юридической ответственности в область чистой риторики.

- 7 При чем фигура Ницше и его идеи в контексте постправды анализируются как в авторских блогах и на сайтах рецензий [Alloa 2017; Hood 2016], так и в научных и философских работах [Dellinger 2019; Harris 2022; Heit 2018].
- 8 Напомню, что в этом диалоге Сократ, споря с софистами Горгием, Поллом и Каликлом, приходит к выводу, что софистика, основанная исключительно на риторических аргументах, а не на истине (воплощенной в идее справедливости и опирающейся на реальные факты), может считаться лишь угодничеством и льстивым красноречием. И подводит итог: «А всякого угодничества и лести — и самому себе, и другим людям, немногим или же многим — должно остерегаться; и красноречие должно употреблять соответственно — дабы оно всегда служило справедливости, как, впрочем, и любое иное занятие» [Платон 1990: 574].

точки зрения (*confirmation bias*). Так, например, Ли Макинтайр напрямую выводит собственное понимание постправды из определения термина «предвзятость подтверждения», разработанного еще в 1960-х годах в работах психолога Питера Кэткарта Уэйсона⁹ [McIntyre 2018: 40–43]. Далее он уточняет свою мысль, опираясь также на категории мотивированного рассуждения (*motivated reasoning*) и снижения диссонанса (*dissonance reduction*, то есть попыток избежать информации, вызывающей у нас когнитивный диссонанс):

Мотивированное рассуждение — это когда то, во что мы верим как в правду, окрашивает наше восприятие того, что на самом деле правда. То есть мы часто рассуждаем внутри эмоционального контекста. Вероятно, на этот механизм опираются идеи снижения диссонанса и предвзятости подтверждения, и легко понять почему. Когда мы чувствуем психический дискомфорт, мы *мотивированы* на поиск способа уменьшить его, причем так, чтобы тот не угрожал нашему «я», а это может привести к иррациональной тенденции, когда мы скорее приспособливаем наши убеждения к нашим чувствам, а не наоборот [Ibid.: 45].

Макинтайр добавляет необходимое психологическое измерение в разговор о специфике постправды и ее когнитивных истоках, однако для моей концепции важнее всего концепция симулякров Бодрийяра. Напомню, что симулякр в философии Бодрийяра — это не просто знак без референта¹⁰; взаимоотношения симулякра и реальности у него выстроены сложнее. Если быть точнее, то более сложным феноменом предстает сама реальность, на поверку оказывающаяся замкнутым и самодостаточным дискурсом о действительности — то есть гиперреальностью:

Само определение реальности гласит: *это то, что можно эквивалентно воспроизвести*. Такое определение возникло одновременно с наукой, постулирующей, что любой процесс можно точно воспроизвести в заданных условиях, и с промышленной рациональностью, постулирующей универсальную систему эквивалентностей (классическая репрезентация — это не эквивалентность, а транскрипция, интерпретация, комментарий). В итоге этого воспроизводительного процесса оказывается, что реальность — не просто то, что можно воспроизвести, а *то, что всегда уже воспроизведено*. Гиперреальность. <...> ...гиперреализм есть высшая форма искусства и реальности в силу обмена, происходящего между ними на уровне симулякра, — обмена привилегиями и предрассудками, на которых зиждется каждое из них. Гиперреальность лишь постольку оставляет позади репрезентацию... поскольку она всецело заключается в симуляции. <...> На самом деле гиперреализм следует толковать в противоположном смысле: *сегодня сама реальность гиперреалистична* [Бодрийяр 2011: 151].

9 Явление, которое он позже назовет словосочетанием *confirmation bias*, Уэйсон впервые описал в статье: [Wason 1960].

10 В качестве примера такого понимания приведу статью Н.Б. Маньковской «Симулякр» в энциклопедическом проекте «Лексикон неонклассики», где заглавный объект отделяется от реальности (но не от гиперреальности) уже в определении. Итак, согласно ей, симулякр — это «образ отсутствующей действительности, правдоподобное подобие, лишённое подлинника, поверхностный, гиперреалистический объект, за которым не стоит какая-либо реальность. Это пустая форма, самореференциальный знак, артефакт, основанный лишь на собственной реальности» [Лексикон неонклассики 2003: 409].

Впрочем, Бодрийяр неспроста оговаривает — «сегодня». Он, разумеется, не призывает к тотальному релятивизму, а скорее описывает глобальную проблему современного мира, то есть мира последних нескольких сотен лет, средствами описания которой становятся термины «симулякр», «симуляция» и «гиперреальность». Если совсем коротко и грубо, то проблема заключается в том, что медиапространство, в которое мы погружены, не дает нам возможности отличить действительность (или же то, что понимается под действительностью в бытовом понимании) от симуляции, реально произошедшего события и истинного факта — от симулякра. Медиапространство замкнуто на самом себе, его элементы и уровни соотношены только друг с другом, а не с миром вовне его. Оно принципиально имманентно, не предполагает трансцендентного выхода — и в эту трансцендентность выводятся в том числе и вещи реального (опять же, в бытовом смысле) мира, мира фактов, допускающего проверку поступающей информации по критерию истинности/ложности (или, шире, неистинности). Категория истины выносится за пределы симуляции, которую создает вокруг нас медиапространство, и мы оказываемся полностью погружены в этот новый, вторичный мир симулякров, каждый из которых проверяется и удостоверяется не чем-то внешним, а другими такими же симулякрами, то есть остальными элементами самозамкнутой системы.

В некотором смысле Бодрийяр здесь повторяет логику кантовской антиномии, когда априорные синтетические суждения не могут быть обоснованы внешним миром, а только и исключительно самими собой (и друг другом). Но из феноменологической проблемы индивидуального познания, как это было у Канта, невозможность обоснования суждения по критерию внешней (по отношению к этому индивиду) истинности переносится в пространство социальное. А над самим этим социальным пространством надстраивается тотальное медиапространство, организованное наподобие соссюровской знаковой системы. Напомню, что Фердинанд де Соссюр утверждает, с одной стороны, произвольность, немотивированность (языкового) знака, а с другой стороны, его жесткую обусловленность знаковой системой и стоящим за этой системой обществом — но не индивидом, отдельный человек не в состоянии ничего сделать со знаком, — то есть знак представляет собой чистую социальную конвенцию, независимую от того объекта (референта в реальности), который он, собственно, означает¹¹. Бодрийяр, описывая медиасреду, охватывающую современный мир, фактически объединяет идеи Соссюра и Канта. В результате теперь уже не отдельное познающее сознание неспособно перепроверить внешними аргументами самые глубокие основы собственного когнитивного процесса, а все современное общество целиком неспособно перепроверить внешними фактами ту информацию, которая и составляет наши сведения об окружающем нас мире.

Чем активнее развивается модернность, тем глубже человечество продолжает постепенно погружаться в мир симулякров, а начало этому процессу Бод-

11 «Слово произвольный также требует пояснения. Оно не должно пониматься в том смысле, что означаемое может свободно выбираться говорящим (как мы увидим ниже, человек не властен внести даже малейшее изменение в знак, уже принятый определенным языковым коллективом); мы хотим лишь сказать, что означаемое *немотивировано*, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [Соссюр 1977: 101].

рийяр в книге «Символический обмен и смерть» находит еще в эпохе Ренессанса (тогда, конечно, речь шла не обо всех человеческих обществах, а лишь о европейских — которые, впрочем, принудительно распространяли свои порядки в колониях) [Там же]. Мы же живем уже в третьей, постиндустриальной фазе этого процесса, который как раз и называется симуляцией¹².

Доминирование медиапространства в постиндустриальных обществах конца XX века достигло такого масштаба, что отношение между миром фактов и миром доступной человеку информации разорвалось окончательно. Еще в начале 1990-х годов Бодрийяр описывает последствия этого разрыва на примере освещения Войны в Персидском заливе (1990—1991) в средствах массовой коммуникации [Бодрийяр 2016]: людям представлена лишь телевизионная картинка, удостоверенная не свидетельствами очевидцев, а только другими новостными выпусками и транслируемыми в них идеологиями. Зрители, по словам Бодрийяра, оказываются заложниками медиаповестки и не могут судить о том, какие, собственно, события происходят по ту сторону экрана на самом деле (да и происходят ли вообще?). Война происходит в реальности исключительно для самих ее участников, а для всего остального человечества она превращается в факт не действительного мира, а медиапространства, и никаких внешних критериев для перепроверки транслируемой (или создаваемой?) телевидением информации не предполагается по умолчанию. Перестают работать не только «естественные», но и иные социальные критерии — перед зрителями разворачивается сюжет о войне ради самой войны, точнее, ради самого сюжета о войне, то есть симуляции:

Эта война также чистая и спекулятивная, до такой степени, что мы не представляем себе уже самого реального события, того, что оно могло бы означать и чем бы оно могло быть. <...> В отличие от предыдущих войн, которые имели определенные политические цели — завоевание или доминирование, тем, что поставлено на карту сейчас, является сама война: ее статус, ее смысл, ее будущее. Она не имеет иной цели, кроме доказательства самого своего существования (этот кризис идентичности касается существования каждого из нас). Она действительно потеряла в своем правдоподобии. <...> Истинная победа программного моделирования войны состоит в том, что всех нас удалось втянуть в эту опасную симуляцию. <...> Поскольку исход этой войны был предreshen заранее, мы никогда не узнаем, как бы она выглядела, если бы она произошла на самом деле [Там же: 21, 25, 60].

Поэтому серия статей Бодрийяра (вскоре объединенная в книгу) называется провокативно — «Войны в Заливе не было». Не в том смысле, что ее не происходило в принципе: кто-то страдал и погибал на самом деле, и этого Бодрий-

12 «Со времен эпохи Возрождения, параллельно изменениям закона ценности, последовательно сменились три порядка симулякрот:

- *Подделка* составляет господствующий тип “классической” эпохи, от Возрождения до промышленной революции;
- *Производство* составляет господствующий тип промышленной эпохи;
- *Симуляция* составляет господствующий тип нынешней фазы, регулируемой кодом.

Симулякр первого порядка действует на основе естественного закона ценности, симулякр второго порядка — на основе рыночного закона стоимости, симулякр третьего порядка — на основе структурного закона ценности» [Бодрийяр 2011: 113].

яр не отрицает, — а в том смысле, что современное общество не предоставляет нам средств для перепроверки информации по критерию независимой истинности/ложности. Вместо аргументов и непредвзятых доказательств нас пугают и убеждают. А это уже то самое состояние, которое сейчас описывается понятием «постправда». И по любопытному совпадению само это слово впервые появилось, как я уже упоминал в начале статьи, спустя всего год после окончания Войны в Заливе (еще пока в форме авторской метафоры).

Семантическое ядро этого понятия, таким образом, во многом бодрийеровское. Однако в журналистских и публицистических статьях постправда, как правило, приобретает дополнительные коннотации. Чаще всего она изображается как результат свободного выбора недобросовестных людей, которые пытаются укрыться за фигурой харизматического лидера — например, Дональда Трампа в 2016 году, — чтобы символически оправдать таким способом свои аморальные поступки. Здесь речь идет о сознательной стратегии ухода от ответственности, пусть не юридической, но хотя бы этической. Критики «Эйхмана в Иерусалиме» упрекали Арендт как раз в том, что она поверила обвиняемому, хотя тот просто выдумал мотивировки своих действий. В таком понимании постправда — это фактически просто новый модный синоним лицемерия, в котором обвиняется оппонент; и тогда возникает вопрос: зачем нам еще одно слово, к тому же окрашенное однозначно негативно, и не исчезнет ли оно через несколько лет, когда мода на него пройдет? Но это лишь один вариант того, какие дополнительные смысловые компоненты могут надстраиваться над бодрийеровским семантическим ядром. Другой вариант, близкий к предыдущему, но не равный, — это когда носитель постправды искренне заблуждается и честно верит в собственные мотивировки, потому что максимально глубоко погружен в тот риторический дискурс, которым пытается оправдаться; он запутался в порочном круге риторики и выстроил свою картину мира исключительно в соответствии с ней, а не с реальными фактами. Тем не менее ситуацию можно распутать, приведя истинные факты и правомерные доказательства и деконструируя внутреннюю логику его рассуждений. Более того, носитель постправды и в этом случае тоже несет полную ответственность за свои взгляды и поступки, потому что здесь его выбор хоть и неосознанный, но все равно ложный, а то и откровенно аморальный. В этом втором понимании элементы постправды можно обнаружить и в защите Эйхмана на суде по версии Арендт, и в риторической стратегии платоновских Горгия, Пола и Каликла, которую ставит под сомнение платоновский Сократ.

Главное, что в обоих этих вариантах понимания наряду с миром постправды существует и принципиально достижимый настоящий мир, мир нейтральных аргументов и непредвзятых доказательств, просто в первом случае актер постправды не хочет его видеть (он является ее носителем в том смысле, в каком носят, скажем, знамя), а во втором случае агент постправды не может этого сделать (и тут он уже скорее неосознанный и недобровольный переносчик, как переносят, допустим, болезнетворные бактерии). Все это уводит от бодрийеровского семантического ядра к более традиционным этическим и когнитивным категориям — таким, как лицемерие или заблуждение. У Бодрийера же состояние симуляции — более тотальное и вынужденное, оно касается не отдельного человека и его выбора, а всего общества в целом, погруженного во всепоглощающую информационную среду, заместившую собой реальную действительность. Ни о каком выборе тут не может идти речи — лож-

ным или неистинным можно обозначить лишь все медиапространство целиком, всю ситуацию постиндустриальной симуляции, а не позицию отдельного человека (или отдельного социального института / организации / социальной группы / сообщества) внутри него. Внутри этого пространства категория истины перестает работать в принципе. И такой, третий вариант понимания, где бодрийеровское семантическое ядро по-прежнему ощутимо, тоже сохраняется при использовании понятия «постправда», особенно в академических работах¹³. Судя по всему, именно на него и опирался Марсель Данеси, говоря, что категория постправды выводится из бодрийеровской категории симулякра¹⁴.

Из сказанного выше может сложиться впечатление, что теория симулякров — точнее, идея порядка симуляции, — составляющая семантическое ядро понятия, является более-менее строгим его значением, на которое одни авторы опираются, а другие от него отходят (или даже перевирают его). Но это, конечно, не так — и не только потому, что для использования слова «постправда» не обязательно знать, кто такой Бодрийер и что такое симулякр. Поскольку постправда — категория практики, все три варианта понимания сосуществуют в нем одновременно. Даже если они в той или иной степени противоречат друг другу на концептуальном уровне (первое понимание предполагает, что человек верит в постправду добровольно, а второе и третье — что вынужденно, хоть и по разным причинам), на практике они легко уживаются, и даже в достаточно строгом тексте, подробно разбирающем феномен постправды с разных сторон, вполне могут возникать и любые две, и даже все три разновидности по очереди.

Вернусь к тому, о чем я говорил ранее: в ситуации постправды при оценке поступающей информации критерий истинности/неистинности уступает критерию убедительности/неубедительности. Человек при этом полагается не на соотнесенность нарратива с реальностью, а исключительно на внутреннюю связность, эффективность и эмоциональную нагруженность его риторической структуры. В повседневности этот критерий обычно отходит на второй план, как только у нас возникает возможность перепроверить информацию, повторно соотнеся ее с реальностью. Так, большинство из нас вряд ли поверит риторическому нарративу, который пытается убедить нас, якобы можно отказаться от физической пищи и питаться только воздухом и солнечным светом¹⁵, — ведь жизненный опыт подсказывает нам, что без еды и воды можно

13 Иногда и со ссылками непосредственно на Бодрийера (не только на «Символический обмен и смерть» и «Войны в Заливе не было», но и на другие его работы) — см., например: [Kalpokas 2019; Kien 2019; Maddalena, Gili 2020; Pond 2020; Rowinski 2021].

14 Из исследований на русском языке хочу выделить книгу экономиста Андрея Мовчана «Россия в эпоху постправды», где постправда понимается хоть и не так глобально, как в фазе симуляции по Бодрийеру, распространяясь не на всю планету, а только на Россию, но структура и функционирование медиапространства описаны вполне в бодрийеровском духе [Мовчан 2019]. Вообще в моих категориях эта книга попадает в промежуток между вторым и третьим вариантом использования понятия, поскольку здесь с постправдой, несмотря на ее почти-тотальность для одной отдельно взятой страны, можно бороться с помощью научных данных и здравого смысла.

15 Об этом нарративе см., например: *Кэрролл Р.Т. Инедия (солнцеедство)* // Кэрролл Р.Т. Энциклопедия заблуждений: Собрание невероятных фактов, удивительных открытий и опасных поверий (<https://skepdic.ru/inediya-solnceedstvo>).

быстро и мучительно умереть, да и вообще чувство голода — это плохо. Но в ситуации постправды человек или отказывается, или не может совершать подобную перепроверку: риторика, обладающая для него по той или иной причине наибольшим авторитетом, оказывается для него важнее всего остального. Он либо сам погружается, либо обнаруживает себя погруженным не просто в отдельный риторический нарратив, а в созданную им целостную и замкнутую на самой себе картину мира, и из нее уже не так-то просто выбраться.

В случае же не бытовых вещей, а более абстрактных понятий и дискурсивных пространств — например, в пространстве политических дискурсов, где опора на житейский опыт не поможет, а авторитетность дискурса (или его носителей, как реальных, так и предполагаемых, в том числе вымышленных) воздействует на индивида гораздо сильнее¹⁶, — ситуация становится гораздо тяжелее. Риторика, точнее, целый спектр разного рода риторик создают сложные образы реальности — как правило, внутренне непротиворечивые (но не всегда), детально проработанные картины мира, перепроверить которые извне крайне сложно. Сам трансцендентный выход здесь не то чтобы невозможен — скорее, остается опасность того, что вместо настоящего выхода за пределы тотальной симулятивной сферы, созданной в режиме постправды, произойдет ложный выход, при котором у нас возникнет субъективное ощущение того, что мы покинули детерминирующее нас медиапространство, в то время как фактически мы по-прежнему будем находиться в нем. Другими словами, медиапространство в ситуации постправды вполне способно создавать такие модели, где будет отражена не только стандартная для конкретно этой ситуации модель мира, но и ее альтернативы (допустимые с точки зрения логики этой модели). Например, изменив политические взгляды, человек может продолжать оценивать мир вокруг себя в политических категориях, от которых, казалось бы, уже отказался, — скажем, в системе бинарных оппозиций, просто поменяв все минусы на плюсы и наоборот, не видя сложность, гибридность, расщепленность и многообразие окружающих политических форм и формаций.

Даже деконструкция постправды, то есть вскрытие и критическое переосмысление идеологических категорий, представляющих внутреннюю логику той или иной симуляции, здесь может не помочь. Допустим, мы разберем идеологию, обуславливающую данную конкретную постправду, на составляющие — но с чьей точки зрения мы это сделаем? Почему мы проведем акт деконструкции именно по такой логике? И в какую иную идеологическую сферу мы теперь попадем, выйдя из предыдущего медиапространства? Что если трансцендентный выход нам все-таки удастся — однако за пределами одной идеологии, одной симуляции и одной постправды нас будет ждать просто еще одна, другая идеология, другая симуляция и другая постправда? До «истинной» реальности мы так никогда и не доберемся, мир фактов и объективных,

16 Вопрос авторитетов, экспертов и авторитетных дискурсов слишком обширный, и здесь у меня нет возможности погружаться в него сколько-нибудь подробно. Оговорюсь только, что носителями авторитетного дискурса могут выступать не конкретные эксперты, а анонимные идеологии или стереотипы, а также корпуса текстов, где авторство известно, но отходит на второй план (мифологические, религиозные, паранаучные и т.д., когда человек верит, например, не конкретному уфологу за его субъективную убедительность и харизматичность, а уфологии как таковой). Это тема для отдельной большой статьи.

непредвзятых аргументов и доказательств будет для нас недоступен — любое взятое нами доказательство уже прошло некий критерий отбора, встроилось в некую идеологическую систему, отразило некие предпочтения и некую картину мира. Это все та же кантовская антиномия, категорическое расщепление между нами и истинностью объективного мира, которая, как мы думаем, существует, но недостижима и не проверяема внеположными нам самим средствами. Покидая одно симулятивное пространство, мы попадаем в другое — и эту ситуацию описывает в своих работах Бодрийяр.

Тем не менее было бы неверно утверждать, что в режиме постправды критерий истинности/неистинности отменяется абсолютно. Категория истинности здесь в некотором виде остается, но переопределяется: теперь это уже не соотносимость с объективной действительностью и не результат независимой перепроверки фактов, а наибольшая риторическая убедительность (даже если за этой риторикой скрываются симулякры и идеологические манипуляции — этот момент в ситуации постправды принципиально игнорируется). Доказательства становятся функциями этой убедительности, факты заранее отобраны в соответствии с внутренней логикой этой симуляции и/или ее риторикой (логика и риторика симуляции вполне способны вступать в конфликт друг с другом), а истинно в режиме постправды то, во что больше хочется верить. При постправде именно риторика берет на себя функцию оценки и воссоздания реальности, наделяя оформляемые ею нарративы свойствами, которые она сама по определению реализовать не может — однако мы верим, что может. Поэтому ситуацию постправды можно назвать апогеем риторики.

Но мне бы не хотелось завершать мое рассуждение на столь мрачной ноте. Бодрийяр описывал единую глобальную симуляцию, постепенно охватывающую все модерное человечество, — постправда же показывает, что симуляций много, и они могут быть весьма разнообразными. Более того, можно формулировать альтернативные идеологические рамки, вбирающие в себя ключевые этические категории и ценности. Еще Ролан Барт в середине 1950-х годов, рассуждая о современных ему идеологиях и борьбе с ними в заключительной части книги «Мифологии» (причем его термин «миф» тоже концептуально перекликается во многом с понятием «постправда»), говорит о том, что если миф — то есть идеологема — «похищает язык», воспроизводя собственную картину мира в любых, даже внешне противоречащих ему знаках и формах, то можно, в свою очередь, «похитить» — то есть переопределить, ресемантизировать — сам миф:

Как видим, одолеть миф изнутри чрезвычайно сложно, ибо действия, посредством которых от него пытаются избавиться, сами становятся его добычей: в конечном счете миф всегда может сделать так, чтобы им обозначалось оказываемое ему сопротивление. Так что, возможно, лучшее оружие против мифа — в свою очередь мифологизировать его, создавать *искусственный миф*; такой реконструированный миф как раз и оказался бы истинной мифологией. Если миф — похититель языка, то почему бы не похитить сам миф? Для этого нужно лишь сделать его исходным пунктом третичной семиологической цепи, превратить его значение в первый элемент вторичного мифа [Барт 2008: 296].

Барт тоже не сомневается в том, что некая реальность за пределами знаков и социальных конструкторов существует, и при этом тоже ощущает антиномию между представлением о ней, присущим нам, и ею самой — между нами и ми-

ром¹⁷. Однако если достижение абсолютной объективности фактов и бесспорной истины о мире представляет собой завалированную феноменологическую апорию, то уж по крайней мере систему ценностей и социальных фактов, альтернативную данной, мы сконструировать в состоянии. Постправда вызывает релятивизм современного общества и окружающего его медиапространства — но в то же время этот релятивизм распространяется и на саму постправду. Отныне она и сама, в свою очередь, больше не может быть тотальной и всеохватной (как пытались быть идеологии прошлых веков) — она может лишь претендовать на тотальность и всеохватность, но только до тех пор, пока нас, даже погруженных в симуляцию, не убедит сильнее какая-то другая система ценностей. Риторика в конечном счете — это не основа постправды (основой постправды является бодрийеровская симуляция), а ее главный инструмент. Постправда с помощью нее создает себя — но риторику можно обернуть и против самой постправды, выстроив более яркий и убедительный нарратив, в который при этом будут включены и критически отрефлексированная этика, и критически проанализированные научные факты, и соотнесенные с предыдущими двумя категориями формы юридической ответственности за безусловно аморальные поступки, и практика деконструкции любых нарративов как необходимый инструмент метаанализа. По сути, это и предлагал Барт еще в 1956 году.

Библиография / References

- [Арендт 1996] — *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма / Пер. с англ. И.В. Борисовой и др.; под ред. М.С. Ковалевой и Д.М. Носова. М.: ЦентрКом, 1996.
(*Arendt H.* The Origins of Totalitarianism. Moscow, 1996. — In Russ.)
- [Арендт 2008] — *Арендт Х.* Банальность зла: Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С. Кастьского и Н. Рудницкой. М.: Европа, 2008.
(*Arendt H.* Eichmann in Jerusalem: A Report on the Banality of Evil. Moscow, 2008. — In Russ.)
- [Арендт 2014] — *Арендт Х.* Истина и политика // Арендт Х. Между прошлым и будущим: Восемь упражнений в политической мысли / Пер. с англ. и нем. Д. Аронсона. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 334–389.
(*Arendt H.* Truth and Politics // *Arendt H.* Between Past and Future: Eight Exercises in Political Thought. Moscow, 2014. — In Russ.)
- [Барт 2008] — *Барт Р.* Мифологии / Пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2008.

17 См. самый последний абзац «Мифологий»: «Вероятно, именно в силу своей нынешней отчужденности нам и не удастся преодолеть неустойчивость в постижении реальности: мы постоянно колеблемся между предметом и его демистификацией, не в силах передать его как целостность. Ибо, проникая в глубь предмета, мы освобождаем, но одновременно и разрушаем его; сохраняя же за ним его весомость, мы оставляем его в целостности, но зато из наших рук он выходит по-прежнему мистифицированным. Видимо, в течение еще какого-то времени наши высказывания о реальности обречены быть *чрезмерными*. Дело в том, что и идеологизм и его противоположность еще и сами представляют собой магические способы поведения; и в том и в другом случае мы запуганы, ослеплены и заморожены разорванностью социального бытия. А добиваться мы должны именно воссоединения реальности с людьми, описания с объяснением, предмета со знанием» [Барт 2008: 323].

- (Barthes R. Mythologies. Moscow, 2008. — In Russ.)
 [Бодрийяр 2011] — *Бодрийяр Ж.* Символический обмен и смерть / Пер. с фр. С. Зенкина. 4-е изд. М.: Добросвет; КДУ, 2011.
- (Baudrillard J. L'Échange symbolique et la mort. Moscow, 2011. — In Russ.)
 [Бодрийяр 2016] — *Бодрийяр Ж.* Дух терроризма; Войны в Заливе не было / Пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016.
- (Baudrillard J. L'Esprit du terrorisme; La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu. Moscow, 2016. — In Russ.)
 [Лексикон nonклассики 2003] — Лексикон nonклассики: Художественно-эстетическая культура XX века / Под ред. В.В. Бычкова. М.: РОССПЭН, 2003.
- (Leksikon nonklassiki: Khudozhestvenno-esteticheskaya kul'tura XX veka / Ed. by V.V. Bychkov. Moscow, 2003.)
 [Мовчан 2019] — *Мовчан А.* Россия в эпоху постправды: Здравый смысл против информационного шума. М.: Альпина Паблишер, 2019.
- (Movchan A. Rossiya v epokhu postpravdy: Zdravyyu smysl protiv informatsionnogo shuma. Moscow, 2019.)
 [Платон 1990] — *Платон.* Горгий / Пер. с др.-греч. С.П. Маркиша // Платон. Собрание сочинений: В 4 т. / Общ. ред. А.Ф. Loseва, В.Ф. Асмуса и А.А. Тахо-Годи. Т. 1. М.: Мысль, 1990. С. 477—574.
- (Plato. Gorgias // Plato. Sobranie sochineniy: In 4 vols. / Ed. by A.F. Losev, V.F. Asmus and A.A. Takho-Godi. Vol. 1. Moscow, 1990. P. 477—574. — In Russ.)
 [Соссюр 1977] — *Соссюр Ф. де.* Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина, перераб. А.А. Холодовичем // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Пер. с фр. под ред. А.А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 31—274.
- (Saussure F. de. Cours de linguistique générale // Saussure F. de. Trudy po yazykoznaniiyu / Ed. by A.A. Kholodovich. Moscow, 1977. — In Russ.)
 [Alloa 2017] — *Alloa E.* Post-Truth or: Why Nietzsche Is Not Responsible for Donald Trump // The Philosophical Salon. 2007. [August 28] (<https://thephilosophicalsalon.com/post-truth-or-why-nietzsche-is-not-responsible-for-donald-trump> (accessed: 01.05.2023)).
- [Arendt 1972] — *Arendt H.* Lying in Politics: Reflections on the Pentagon Papers // Arendt H. Crises of the Republic. San Diego; New York; London: A Harvest Book; Harcourt Brace & Company, 1972. P. 1—47.
- [Block 2019] — *Block D.* Post-Truth and Political Discourse. London: Palgrave Macmillan, 2019.
- [Danesi 2020] — *Danesi M.* The Art of the Lie: How the Manipulation of Language Affects Our Minds. Lanham, Md.: Prometheus Books, 2020.
- [Dellinger 2019] — *Dellinger J.* "Nietzsche", "Perspektivismus", "Postfaktizität": Drei Perspektiven // Le Foucauldien. 2019. Vol. 5. No. 1. P. 1—33.
- [Harris 2022] — *Harris D.I.* Nietzsche, Trump, and the Social Practices of Valuing Truth // The Pluralist. 2022. Vol. 17. No. 3. P. 1—19.
- [Harsin 2018] — *Harsin J.* Post-Truth and Critical Communication Studies // The Oxford Research Encyclopedia of Communication. 2018. December 20 (<https://oxfordre.com/communication/display/10.1093/acrefore/9780190228613.001.0001/acrefore-9780190228613-e-757> (accessed: 01.05.2023)).
- [Heit 2018] — *Heit H.* "There Are No Facts...": Nietzsche as Predecessor of Post-Truth? // Studia Philosophica Estonica. 2018. Vol. 11. No. 1. P. 44—63.
- [Hood 2016] — *Hood L.* The post-truth era of Trump is just what Nietzsche predicted // The Conversation. 2016. December 14 (<https://theconversation.com/the-post-truth-era-of-trump-is-just-what-nietzsche-predicted-69093> (accessed: 01.05.2023)).
- [Kalpokas 2019] — *Kalpokas I.* A Political Theory of Post-Truth. London: Palgrave Macmillan, 2019.
- [Keyes 2004] — *Keyes R.* The Post-Truth Era: Dishonesty and Deception in Contemporary Life. New York: St. Martin's Press, 2004.
- [Kien 2019] — *Kien G.* Communicating with Memes: Consequences in Post-truth Civilization. Lanham, Md.; Boulder, Co.; New York; London: Lexington Books, 2019.
- [Maddalena, Gili 2020] — *Maddalena G., Gili G.* The History and Theory of Post-Truth Communication. London: Palgrave Macmillan, 2020.
- [McIntyre 2018] — *McIntyre L.* Post-Truth. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2018.
- [Nielsen 2020] — *Nielsen G.* Populism, Fake News, and the Flight from Democracy // Navigating Fake News, Alternative Facts, and Misinformation in a Post-Truth World / Ed. by K. Dalkir and R. Katz. Hershey, Pa.: IGI Global, 2020. P. 238—257.
- [Pond 2020] — *Pond Ph.* Complexity, Digital Media and Post Truth Politics: A Theory of Interactive Systems. London: Palgrave Macmillan, 2020.
- [Rowinski 2021] — *Rowinski P.* Post-Truth, Post-Press, Post-Europe. London: Palgrave Macmillan, 2021.
- [Tesich 1992] — *Tesich S.* A Government of Lies // The Nation. 1992. Vol. 254. No. 1. P. 12—14.
- [Wason 1960] — *Wason P.C.* On the Failure to Eliminate Hypotheses in a Conceptual Task // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 1960. Vol. 12. No. 3. P. 129—140.